

ПИСЬМО С. Д. ЯНОВСКОГО К О. Ф. МИЛЛЕРУ ОТ 8/20 НОЯБРЯ 1882 ГОДА

(Публикация К. А. Баршта)

Степан Дмитриевич Яновский (1815–1897), лечащий врач Ф. М. Достоевского в 1840-е гг., служил в качестве доктора и, параллельно, преподавателя естественной истории в Санкт-Петербургском Лесном и межевом институте (военно-учебном заведении, организованном в 1837 г. на базе бывшего Царскосельского лесного училища¹), затем в департаменте казенных врачебных заготовлений при Министерстве внутренних дел.² В молодости Яновский не чуждался либеральных идей, был близок к кругу петрашевцев, однако позже склонился к более консервативным взглядам и сделал успешную карьеру на государственной службе, уже к 36 годам получив генеральский чин (статского советника). Вышел в отставку в 1871 г. и спустя шесть лет выехал в Швейцарию, где провел остаток жизни в частном пансионе на берегу Женевского озера, откуда и было написано публикуемое письмо.

Знакомство Достоевского с Яновским, по-видимому, произошло в конце мая 1846 г. В начале мая Достоевский, по рекомендации В. Н. Майкова, который к этому моменту уже был пациентом этого доктора, впервые обратился к С. Д. Яновскому за врачебной помощью.³ Причиной было резкое ухудшение здоровья, которое писатель в своем письме от 26 апр. 1846 г. определил как «раздражение всей нервной системы», при котором «болезнь устремилась на сердце».⁴

---

¹ В настоящее время – Санкт-Петербургская Лесотехническая академия им. С. М. Кирова, расположенная по адресу: Санкт-Петербург, Институтский переулок, д. 5.

² См.: Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // РВ. 1885. Т. 176. Апрель. С. 796.

³ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. 1. 1821–1864. СПб., 1999. С. 116.

⁴ Письмо Ф. М. Достоевского брату Михаилу Михайловичу от 26 апр. 1846 г. (281. 121). Здесь и далее тексты Достоевского цитируются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990, с указанием тома и страницы.

В. Н. Майков порекомендовал ему прибегнуть к врачебной помощи. С. Д. Яновский рассказывает об этом так: «В числе моих пациентов был В. Н. Майков; я любил беседовать с ним, и меня очень интересовали его рассказы о том интеллигентном и артистическом обществе, которое собиралось тогда в доме их родителей.⁵ Имя Ф. М. Достоевского в то время повторялось всеми и непрерывно, вследствие громадного успеха первого его произведения («Бедные люди»), и мы часто о нем говорили, причем я постоянно выражал мой восторг от этого романа. Майков вдруг однажды объявил мне, что Федор Михайлович просит у меня позволения посоветоваться со мною, так как он тоже болен. Я, конечно, очень обрадовался. На другой день в 10 часов утра пришел ко мне Владимир Николаевич Майков⁶ и познакомил со мною того человека, с которым я впоследствии виделся ежедневно до самого его ареста».⁷

Достоевский лечился у Яновского ровно три года, с мая 1846 г. и вплоть до ареста за участие в кружке петрашевцев 22 апр. 1849 г., часто гостил у него, воспринимая своего доктора как доброго помощника в борьбе с болезнью – уже в ту пору проявившимися признаками эпилепсии. Отношение Яновского к Достоевскому во многом определялось тем, что он был фактически единственным человеком в 1840-е гг., который знал реальное состояние его здоровья: он искренне жалел

---

⁵ *Майков Николай Аполлонович (1794–1873)* – известный художник, академик живописи, отец Аполлона, Валериана, Владимира и Леонида Майковых, вместе с женой, Евгенией Петровной Майковой, обратил свою квартиру в Петербурге (Садовая ул., 51) в литературный и художественный салон, один из многочисленных, но исключительно ярких по своему наполнению общественно-культурных образований города. Салон посещали не только художники, коллеги хозяина, но и ученые, музыканты, литераторы; особенно любила эти собрания молодежь, которая ценила обстановку безыскусного дружеского общения, в котором не был принят менторский тон и в котором как равные могли обмениваться мнениями представители разных профессий, родов деятельности, возрастов и идеологических предпочтений. Из людей известных салон Н. А. и Е. П. Майковых посещали поэт В. Г. Бенедиктов (1807–1873), будущий классик русской литературы, а в те годы домашний учитель детей Майковых И. А. Гончаров, журналист и писатель И. И. Панаев, только начинавший свой путь в литературе Д. В. Григорович, экономист А. П. Заблочкий-Десятковский (1808–1882), многие другие известные в Петербурге люди. Основными темами, занимавшими участников кружка, были вопросы истории и теории изобразительного и словесного искусств; предпринимались также рукописные журналы – «Подснежник», «Лунные ночи», где делали свои первые литературные пробы пера младшие Майковы, будущие писатели, критики и поэты.

⁶ Ошибка мемуариста: Валериан Николаевич Майков.

⁷ *Яновский С. Д.* Воспоминания о Достоевском. С. 796–797.

молодого писателя, считая, что тот, мужественно преодолевая свои недуги, ведет подвижнический образ жизни. Яновский не без оснований чувствовал себя на протяжении всей своей жизни близким другом писателя и счел своим долгом навестить его по возвращении из ссылки в Твери в декабре 1859 г.⁸ Достоевский ценил дружбу и врачебную помощь Яновского, в своем письме к нему от 4 февр. 1872 г. он написал: «Вы любили меня и возились со мною, с большим *душевною болезнью* (ведь я теперь сознаю это), до моей поездки в Сибирь, где я вылечился» (29₁. 229).

Вопрос о том, когда Достоевский заболел и действительно ли вылечился к 1872 г., оказался в центре внимания общественности в первые дни после смерти Достоевского, когда развернулась газетная дискуссия о состоянии здоровья писателя; главными пунктами спора были диагноз и время начала заболевания. Начало было положено А. С. Сувориным, который в своем некрологе Достоевскому указывал, что эпилепсия сопутствовала писателю начиная с детства и на протяжении всей жизни: «Падучая болезнь, которою он страдал с детских лет, много прибавила к его тернистому пути в жизни. Нечто страшное, незабываемое, мучащее случилось с ним в детстве, результатом чего явилась падучая болезнь. В последние годы она как будто ослабела, сделалась реже, но была постоянно в зависимости от напряжения в труде, от огорчений, от жизненных неудач, от той беспощадности, которой так много в нравах русской жизни и русской литературы».⁹ На эту публикацию откликнулся брат писателя, Андрей Михайлович Достоевский, который выразил уверенность в том, что «до конца 1842 года у него этой болезни не существовало» и что «эта болезнь приобретена им во время нахождения его в Сибири».¹⁰ Это предположение было поддержано в газ. «Порядок», где сообщалось: «В письме брата по-

---

⁸ После возвращения писателя из сибирской ссылки в 1859 г. он одним из первых «из близких его знакомых посетил его в этом городе», «единственно с целью увидеть и обнять дорогого мне Федора Михайловича» (Болезнь Ф. М. Достоевского. <Письмо С. Д. Яновского к А. Н. Майкову от 17 февр. / 1 марта 1881 г.> // Новое время. 1881. 24 февр. / 8 марта. № 1973. С. 2). Позже С. Д. Яновский встречался с Достоевским в Москве в 1867 г. и был представлен жене писателя, Анне Григорьевне, в качестве близкого друга (см.: Литературное наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования М., 1973. С. 377).

⁹ *Незнакомец* <А. С. Суворин>. О покойном // Новое время. 1881. 1 (13) февр. № 1771. С. 2.

¹⁰ *Достоевский А. М.* О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю // Новое время. 1881. 8/20 февр. № 1778. С. 2.

койного Ф. М. Достоевского, напечатанном в “Новом времени”, причина тяжелого недуга, которым страдал покойный писатель, объясняется таким образом: “Знаю только одно, что падучую болезнь брат Федор приобрел не в отцовском доме, не в детстве, а... в Сибири”». ¹¹ Что касается середины 1840-х гг., то, по мнению А. М. Достоевского, Федор Михайлович действительно «был несколько раздражителен и, кажется, страдал какою-то нервной болезнью». «Мне часто приводилось видеть записки его, оставляемые им на ночь, приблизительно такого содержания: “Сегодня со мной может случиться летаргический сон, а потому – не хоронить меня (столько-то) дней”. Но, скажу еще раз, о “падучей” в этот период времени он никогда не упоминал. Наконец, я помню услышанное от него самого, что эта болезнь приобретена им во время нахождения его в Сибири». ¹²

Мимо этой темы, конечно, не мог пройти и Яновский. Отвечая А. М. Достоевскому и соглашаясь с А. С. Сувориным, в подтверждение своей концепции он опубликовал свое письмо к А. Н. Майкову с описанием своих выводов относительно болезни писателя, добавив по этому поводу: «Покойный Федор Михайлович Достоевский страдал падучею болезнью еще в Петербурге, и притом за три, а может быть, и более лет до арестования его по делу Петрашевского, ¹³ а следовательно, и до ссылки в Сибирь. Дело все в том, что тяжелый этот недуг, называемый *Epilepsia* – падучая болезнь, у Фед<ора>Мих<айловича> в 1846, 47 и в 48 годах обнаруживалась в легкой степени; между тем, хотя посторонние этого не замечали, но сам больной, правда смутно, болезнь свою сознавал и называл ее обыкновенно “кондрашкой с ветерком”. (Заметьте это последнее слово, оно служило мнительному до крайности Фед<ору>Михайл<овичу> как провозвестник припадка, вследствие чего он говорил – «успею добежать до Сенной», т. е. до моей квартиры, ¹⁴ а в сущности, это есть один из характери-

---

¹¹ Порядок. 1881. 9/21 февр. № 39. С. 2.

¹² *Достоевский А. М.* О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю. С. 2.

¹³ Из этого следует, что Яновский диагностировал эпилепсию в период их первых встреч, в мае 1846 г.

¹⁴ С. Д. Яновский указывает, что он жил в этот момент «между Сенною площадью и Обуховским мостом, в доме известного тогда доктора-акушера В. Б. Шольца». В книге адресов жителей Петербурга Василий Богданович Шольц (1798–1860) значится как «лейб-акушер», «доктор медицины и хирургии», «действительный статский советник и кавалер», «врач при Государе, Цесаревиче и августейших детях». Дом, в котором жил В. Б. Шольц, принадлежал домовладельцу Т. С. Шпехту и находился не между «Сенной площадью и Обуховским мостом», а между Сенной

ческих признаков *Epilepsia*.) Для меня же как для врача было ясно, что дорогой друг наш страдал падучею». ¹⁵

С. Д. Яновский честно и добросовестно исполнял свои обязанности лечащего врача, с искренней дружбой относился к Достоевскому, однако настоящего взаимопонимания или, тем более, духовного сближения между ними не было. О неверном понимании жизненных устремлений и характера Достоевского со стороны С. Д. Яновского (что, разумеется, не ушло от внимания самого Достоевского) пишут исследователи мемуарной литературы о писателе: «Так не понял Достоевского названный выше С. Д. Яновский, хорошо знавший его в годы молодости и оставивший сочувственно исполненный, но плоский портрет». ¹⁶ Основной причиной было то, что Яновский не вполне понимал характер писателя, круг его жизненных интересов, мотивы принятия им тех или иных решений, трактуя их по-своему, в рамках совершенно чуждой ему системы ценностей, чем, очевидно, вызывал раздражение и досаду Достоевского: формировавшаяся в эти годы специфическая этико-онтологическая модель будущего автора «Братьев Карамазовых» оказывалась в прокрустовом ложе психиатрии и медицинской психологии середины XIX в., да еще в варианте с доктором, который был сам поглощен деланием карьеры и советовал это же самое всем окружающим.

Возможно, именно коммуникативный разлад с Яновским, который был более чем далек от религиозно-философских установок Достоевского, принявшего на себя боль и страдания всех «униженных и оскорбленных», в рамках известного принципа поэтики писателя, автобиографической криптографии, породил одну из тем повести «Двойник». В невнятных и почти абсурдных диалогах Голядкина с его доктором, Крестьяном Ивановичем Рутеншицем, который искренне пытается помочь своему пациенту, совершенно не воспринимая сути мучающих его морально-психологических проблем, нам видится разговор Достоевского со своим доктором, С. Д. Яновским. Моральный философ Голядкин, мучительно переживающий свой конфликт с несправедливо устроенным обществом и трагическую

площадью и рекой Мойкой, по адресу: Демидовский пер., 4 (Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины и прочия. СПб., 1854. С. 227).

¹⁵ Болезнь Ф. М. Достоевского. С. 2.

¹⁶ Рюриков Б. Достоевский и современники // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 8.

коллизии человеческого бытия, получает от Крестьяна Ивановича советы побольше развлекаться, не проходить мимо бутылочки вина и «равномерно держаться веселой компании» (1. 115). Объясняя суть мучающей его проблемы, Голядкин фактически формулирует христианский этический идеал, которому следует и по велению сердца, и совершенно сознательно: он «не интригант», действует «не втихомолку, а открыто, без хитростей», презирует «окольные пути», никого не старается унижить, гнушается «клеветой и сплетней», чужд лицемерия, он говорит: «Маску надеваю лишь в маскарад» (1. 117). Однако любящий «тишину» и «спокойствие» и не любящий «хитростей», «идуший своей дорогой» (1. 116) и стремящийся к независимому от окружающих людей положению философ Голядкин (этими своими качествами совпадающий не только с героем предшествующего произведения Достоевского, Макаром Девушкиным, но и со своим автором, Достоевским) натывается на глухую стену непонимания. Крестьяну Ивановичу кажется, что его пациент говорит не о том: «Вы, кажется, немного отвлеклись от предмета <...> я, признаюсь вам, не мог вас совершенно понять» (1. 117). Достоевский, считавший что «слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь» (5. 101), глубокое понимание ужаса человеческого существования приводило его, как и его героев, к аффективно-болезненному состоянию и тяжелому психическому расстройству, – знал, в отличие от своего доктора, что как раз только такое качество искреннего и интенсивного отношения человека к действительности и может привести к успеху в творчестве. Однако страдающий от боли за все человечество философ всегда одинок, и это этико-онтологическое одиночество не может быть исправлено развлечением, как подчеркивает Иван Карамазов, «другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю» (14. 216). Об этом разладе с миром, живущим во зле и лжи, о своем одиночестве и сострадании к ближнему пытается поведать герой «Двойника» своему доктору, но медицина в случае со «слишком сознающим человеком» оказывается бессильна, и это не лечится ни вином, ни «веселой компанией». Это было ясно автору «Двойника» и будущих «Записок из подполья», однако не было внятно С. Д. Яновскому, который на протяжении всей своей жизни пребывал в уверенности, что психическая жизнь Достоевского, его пациента и доброго знакомого, ясна ему в мельчайших деталях.

Когда в первые годы после смерти Достоевского усилиями О. Ф. Миллера и А. Г. Достоевской происходил сбор сведений о жизни писателя

для формирования его научной биографии, Яновский не мог не откликнуться на это и прислал на имя О. Ф. Миллера нижеследующее письмо с данными, которые, по его мнению, могут объяснить главную причину отставки Достоевского с государственной службы: это неудачно выполненный архитектурный проект. Согласно его версии, «скверная кличка», которой наградил Николай I молодого военного инженера Достоевского, сломала его служебную карьеру. Будучи, вне всякого сомнения, честным человеком, Яновский опасался, что подобными мемуарами он может нанести вред репутации писателя, и потому в письмах А. Г. Достоевской и О. Ф. Миллеру строго оговаривал условие публикации сведений: документальная проверка предоставленной им информации. Тем не менее О. Ф. Миллер все же воспроизвел данные из этого письма, не найдя им подтверждения, и опубликовал эту историю, придав ей обличие некоего мифа или слуха.

Не поверив истории, рассказанной С. Д. Яновским, О. Ф. Миллер попытался понять, откуда она могла возникнуть, и счел ее своего рода выдумкой, возникшей из трансформированного комического инцидента, рассказанного Достоевским своей жене, где действительно будущий писатель был награжден нелестным эпитетом «дурака»: «К числу неприятностей, перенесенных Ф<едором> М<ихайлови>чем в Инженерном училище, относится и то, что со слов его записала Анна Григорьевна об отправлении его в ординарцах к В<еликому> К<нязю> Михаилу Павловичу. При этом он забыл отрапортовать слова: “К Вашему Императорскому Высочеству”. “Посылают же таких дураков”, – заметил великий князь».¹⁷ О. Ф. Миллер предположил, что именно из этого рассказа, о неудачном обращении Достоевского к великому князю, в силу «своего рода lapsusmemoriae»,¹⁸ образовался другой рассказ: «будто бы на одном чертеже Ф<едора> М<ихайлови>ча был какой-то пропуск и император Николай Павлович написал на нем: „Какой дурак это чертил“, будто это было уже тогда, когда Ф<едор> М<ихайлович> уже офицером занимался в чертежной Инженерного департамента и будто он подал в отставку вследствие того, что пометка государя была покрыта лаком и чертеж с нею отдан на хранение в архив Инженерного управления. Между тем после тща-

---

¹⁷ Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 45 (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского. Т. 1).

¹⁸ Ошибка памяти (*лат.*).

тельных розысков в архиве при обязательном содействии А. И. Савельева¹⁹ ничего подобного там не оказалось».²⁰

Заметим, что в процитированном выше фрагменте «Биографии», составленной О. Ф. Миллером, нет упоминания имени С. Д. Яновского, единственного свидетеля и хранителя этой таинственной истории; биограф милостиво упоминает его лишь через несколько десятков страниц своей книги и совсем по другому поводу, тем самым избавляя его от ответственности за достоверность факта. Но все же включая эту историю в круг биографических данных о Ф. М. Достоевском, видимо, для полноты картины. Обратим внимание на серьезное изменение, которое произошло с этим мемуаром Яновского в изложении Миллера: по версии «Биографии» 1883 г., в отличие от того, что пишет Яновский, все это произошло не в училищные годы, а во время службы Достоевского в качестве военного инженера в 1844 г. Несовместимость с этой историей хорошего чина Достоевского при выпуске из училища не могла не озадачить Миллера, и, возможно поэтому, он перенес это событие на 1844 г., который Достоевский провел в качестве государственного служащего в Инженерной команде Петербурга. Вполне вероятно, что идея такого сдвига во времени принадлежала А. И. Савельеву, который не мог не подсказать Миллеру, что во время учебы с Достоевским не было ничего подобного, ведь он как ротный офицер обязательно бы об этом узнал, если бы это произошло. Стоит добавить, что не приведшими к положительному результату поисками документального подтверждения записи Николая I занимались не только О. Ф. Миллер и А. И. Савельев, но и современные исследователи: согласно «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», «в делах Главного инженерного училища и Инженерного ведомства чертежа Достоевского с подобной надписью не обнаружено».²¹ Воспроизводя данные из свидетельства С. Д. Яновского, выражает сомнение в достоверности этой истории И. Л. Вол-

---

¹⁹ *Савельев Александр Иванович* (1816–1907) – ротный офицер Главного инженерного училища в годы обучения там Ф. М. Достоевского (*Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб., 1869. С. 145), впоследствии генерал, автор многочисленных научных работ по геодезии и истории инженерного дела в России, опубликованных в журналах «Русская старина», «Исторический вестник» «Древняя и новая Россия»; член Русского археологического и географического обществ.

²⁰ *Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. С. 45.

²¹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 90.

гин.²² И есть веские основания считать, что этих данных не существовало вовсе и история с неудачным чертежом является, правда, не предназначенным для литературного воплощения художественным вымыслом Достоевского.

Объяснение причины, по которой кристально честный человек и близкий друг Достоевского дал о нем ложное мемуарное свидетельство, находится не в архиве, а в сущности взаимоотношений Достоевского со своим доктором, медицинский профессионализм которого он высоко ценил, одновременно отказывая ему в понимании многих важных для него других вещей, связанных с экзистенциальными вопросами, определявшими не только содержание произведений писателя, но и саму его судьбу. Яновского, успешного государственного служащего, весьма довольного своей судьбой, по-настоящему волновало то, что его друг, окончивший престижное учебное заведение, обещавшее хорошую карьеру (многие из соучеников Достоевского дослужились до генеральских чинов), отказался от этого пути. И Достоевский, и Яновский знали, что писателей, совмещавших государственную службу с литературной деятельностью, было в эти годы немало, и отказ от службы и связанная с этим материальная бедность Достоевского на уровне практического размышления казались каким-то недоразумением. Яновскому не было понятно, что отказ Достоевского от службы был связан с необходимостью обретения им необходимой степени внутренней свободы, того морально-психологического статуса, обеспечивавшего возможность создания напряженного философского нарратива, к которому стремился Достоевский и который совершенно немислим для автора, использующего «чернила с вице-губернаторского стола», как определил эту ситуацию один из критиков, писавших о творчестве Достоевского.²³ Этого не понимал и не мог понять С. Д. Яновский, к сожалению, ограниченный в своем видении мира обывательской мировоззренческой моделью.

Как показывает его письмо к О. Ф. Миллеру, при встречах и беседах «за чаем» Яновский продолжал доносить писателя своим «во-

---

²² Волгин И. Л. «Какой дурак это чертил?» // Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991. С. 355–359.

²³ «Смеяться над “Мертвым домом” – значит подвергать себя опасности получить замечание, что подобные произведения пишутся собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола. <...> Советую гг. свистунам “Современника” бросить вице-губернаторский тон» (<Зайцев В. А.> Перлы и алмазны нашей журналистики // Русское слово. 1863. № 4. Отд. II. «Литературное обозрение». С. 17).

просом о службе», и тогда Достоевский, как отмечено многими его современниками, склонный к шуткам и розыгрышам,²⁴ видимо, решил раз и навсегда покончить с этой темой, заводившей отношения приятелей в тупик, и дать убедительное для Яновского объяснение своей отставке, создав легенду на материале своей биографии, сочинив историю про то, как царь назвал его «дураком». Следует заметить, что метод проективной автобиографии (фантазии на основе событий личной жизни) был применен Достоевским не в первый раз, в русле того же принципа ранее был написан роман «Бедные люди». В этом произведении он «состарил» себя на 30 лет и представил себе, что с ним будет, если он, сохраняя в своей душе мечту о литературе, продолжит службу в своем департаменте.²⁵ Позже в «Селе Степанчикове» он изобразил дальнейшее развитие своей судьбы в случае, если ему не удастся вернуться в большую литературу и ему, в роли отверженного обществом гениального писателя, «гонимого за убеждения», не останется ничего другого, кроме роли приживальщика в кругу людей, которые еще ценят его прошлые литературные достижения. Реализацию того же метода мы видим в «Преступлении и наказании», «Идиоте», других произведениях.

Косвенными доказательствами этой, если подбирать ей название, «сказки о том, как меня царь дураком назвал» является очевидная фольклорность сюжета, а также сам выбор той единственной персоны, которой была доверена «тайна». Ведь самые близкие Достоевскому люди, которым он безусловно доверял, – М. М. Достоевский, В. Н. Майков, А. Г. Достоевская, Н. Н. Страхов и др. – об этой истории ничего не слышали. Совершенно неслучайно Достоевский потребовал от Яновского клятву хранить секрет его отставки, видимо, чтобы уберечь приятеля от распространения ложных сведений и не сделать его, в свою очередь, «дураком» в глазах современников. Прямым же доказательством того, что имеем дело с розыгрышем Достоевским Яновского, является отсутствие документальных подтверждений.

---

²⁴ Как рассказывает племянница Достоевского Мария Александровна Иванова (дочь его сестры Веры Михайловны), находясь среди близких ему людей, писатель любил создавать шуточные мистификации, а также подмечал «слабые и смешные стороны кого-нибудь из присутствующих и забавлялся, преследуя шутками, экспромтами, свою жертву», несколько такого рода розыгрышей со стороны Достоевского она воспроизводит в своих мемуарах (*Иванова М. А. Воспоминания // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 42–48*)

²⁵ См.: *Баритт К. А. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: автобиографическое исследование и роман-предостережение // Достоевский и современность: Материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2011 г. Великий Новгород, 2012. С. 16–33.*

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Если бы история с одобрением ученым советом Главного инженерного училища дефектной учебной работы, которая, как пишет Яновский, «была рассмотрена и одобрена в Совете», дошла до Николая I, немедленно последовал бы ряд отставок в руководстве училища, а возможно, и разжалований – гнев царя, разумеется, не остановился бы на одном нерадивом учащемся. Однако ни о каком скандале такого рода не упоминает автор чрезвычайно подробной истории Главного инженерного училища М. С. Максимовский,²⁶ уделяя немало места в своей книге описанию нескольких менее значительных скандальных историй, произошедших в стенах училища с 1819 по 1869 г. С. Д. Яновскому, который сообщает в публикуемом ниже письме, что Достоевский в училище был «одним из первых» и именно поэтому ему, при выпуске, присвоили чин инженер-подпоручика, почему-то не пришло в голову, что тот ни в коем случае не смог бы этот чин получить, случись та история, о которой он повествует. Как уже было отмечено нами выше, это противоречие сняли О. Ф. Миллер и А. И. Савельев, перенеся «историю» с 1842–1843 г. на 1844 г.

О. Ф. Миллер, судя по всему, читал это письмо с чувством большого сомнения. В оригинале письма несколько фрагментов подчеркнуты карандашом – не Миллером ли? Эти фрагменты – ключевые, при том – явно противоречащие друг другу. Помимо дважды упомянутого в письме слова «дурак» это утверждение того, что Достоевский в училище был «из первых воспитанников», что Яновский и его друзья «делились с ним всем, решительно всем, чем могли», что он «любил страстно» свою инженерную специальность, и воспроизведение утверждения Достоевского, что теперь, после того как вся эта история случилась, он будет «в писании <...> во всю мою жизнь защищать обиженных и оскорбленных». Последнее могло вызвать сомнение Миллера именно театральной напыщенностью фразы, мало совместимой со стилем Достоевского, не склонного к употреблению торжественных оборотов в общении с друзьями.

Яновский был сильно разочарован тем, что О. Ф. Миллер и Н. Н. Страхов все же опубликовали данные об инженерном казусе Достоевского, не найдя ему никакого документального подтверждения: теперь ответственность за название великого писателя «дураком» ложилась на мемуариста. Это было тем более огорчительно, что

---

²⁶ См. сноску 19.

у него самого, видимо, были некие сомнения в достоверности этой истории, их следы легко обнаружить во встревоженном тоне письма. Ведь С. Д. Яновский трактовал себя, относительно других мемуаристов, «не назойливым и никем не утвержденным в правах вкладчиком подробностей, а лицом, аккредитованным самим Фед<ором> Мих<аловичем>».²⁷ Обращаясь к А. Г. Достоевской после смерти писателя, он свидетельствует, что Достоевский был для него на протяжении 40 лет человеком, в котором он видел «идеал правды, чести и любви к ближнему».²⁸ В другом письме к вдове писателя, от 22 февр. / 5 марта 1884 г., он с горечью говорит о массе всего «неверного», что написано о жизни писателя, и сообщает о своем намерении «восполнить тот пробел в биографии, который чересчур больно вопиет о себе», и создать правдивые, подробные воспоминания о своем знакомстве с Достоевским.²⁹

Видимо, и на берегах Женевского озера Яновский чувствовал угрызения совести и сожаление, что нарушил данное Достоевскому слово и предал гласности эту коллизию, которая на самом деле относилась более к истории личных взаимоотношений между ним и Достоевским, чем к реальной биографии писателя. Но чувство долга по отношению к почившему другу и великому писателю взяло верх, и Яновский предал эту историю гласности.

Письмо С. Д. Яновского к О. Ф. Миллеру от 8/ 20 нояб. 1882 г. публикуется по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (№ 29918. Л. 1–4), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

---

²⁷ Письма С. Д. Яновского. (Из материалов Пушкинского Дома) // Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. П. Л., 1925. С. 392.

²⁸ Там же. С. 379. В этом письме от 8/20 янв. 1882 г. Яновский сообщает, что отправил к А. Г. Достоевской два письма к нему Ф. М. Достоевского. В этом письме он настаивает на том, что Достоевский был для него не просто другом, но чем-то вроде духовника, старшего товарища, большого авторитета в решении экзистенциальных вопросов (Письма С. Д. Яновского к А. Г. Достоевской // РО ИРЛИ, № 29916. Л. 12 об.).

²⁹ Письма С. Д. Яновского (Из материалов Пушкинского Дома). С. 394. Это намерение Яновский выполнил (*Яновский С. Д.* Воспоминания о Достоевском // РВ. 1885. Т. 176. № 4 Апрель. С. 796–819).

Tourde Pielz. Pension Comte.¹ 8/ 20 нояб. 1882 года

Милостивый государь,
глубокоуважаемый мною Орест Федорович.

Сию минуту я получил письмо Ваше от 4/16 ноября и тотчас по прочтении берусь за перо, чтобы ответить от него. Но прежде чем дам на него положительный ответ, я покорнейше прошу дозволить мне сказать несколько слов о том, что в письме Вашем есть маленькая неточность. Вы говорите, что письмо мое к Анне Григорьевне обрывается на самом интересном месте – в середине рассказа о том, почему незабвенный друг наш Фед<ор>Мих<айлович> вышел в отставку; мне же помнится, что я не оборвал мой рассказ об отставке, которого и не начинал, а, напротив, выразился так: если родным, друзьям и вообще близким людям к покойнику никому не известна причина выхода Фед<ора>Мих<айловича> из инженерного ведомства, то я готов сообщить ее многоуважаемой Анне Григорьевне, получив от нее на это согласие.² При этом я просил ее, по получении от меня сведения об отставке, прежде оглашения его в печати, или, что одно и то же, прежде сообщения его Вам и Н. Н. Страхову как составителям биографии Фед<ора> Мих<айловича>, проверить мое сообщение в бумагах, хранящихся в делах Инженерного училища, где должен находиться тот документ, который играет важную роль в моем сообщении. – Но на это мое предложение я от Анны Григорьевны до сего времени никакого ответа не получил,³ а след<овательно> понятно, почему я молчал.

В настоящее время Вы почтили меня выражением желания знать эту причину, и я с полною готовностью сообщаю ее Вам, но при этом все-таки покорнейше прошу и Вас, многоуважаемый Орест Федорович, об одном: проверить рассказ с документом. Что касается до того, что сообщение мое как факт исторический верно, я как сообщитель его Вам готов поклясться тем чувством моего уважения к незабвенному для меня Фед<ору> Михайловичу – дружбою и любовью которого я пользовался около 40 лет; но верность юридическая моего сообщения оправдается только тогда, когда и документ будет на его стороне.

Во всяком же случае опишу Вам не только рассказ Фед<ора> Мих<айловича> об отставке, но и те детали, которые к нему, т. е.

к этому рассказу, относятся и по которым Вы как лицо, знакомое с моими отношениями с покойником, еще более дать критическое ему значение.

Однажды, когда я еще жил на Обуховском проспекте, в доме доктора и известного акушера Шольца,⁴ где именно я познакомился с Фед<ором> Михай<ловичем> и другими памятными для меня хорошими людьми, но когда я уже пользовался любовью и дружеским расположением Фед<ора> Мих<айловича>, он, зайдя ко мне вечером, остался ночевать. В 10^{-ть} часов, по обыкновению, мы уселись за самовар и за чаепитием разговорились о том: а что будет после «Бедных людей» и как он думает вообще устроить свою жизнь. В то время я был очень молод – мне было 25–26 лет, а Фед<ор> Мих<айлович> был еще моложе меня несколькими годами, и мне казалось, что жить человеку одним литературным трудом у нас, в России, где прочно существовали из больших журналов: «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» «Современник», другие большие журн<аль>, если и появлялись, но скоро и исчезали, словно метеоры; из газет же давали что-нибудь за труд (хотя очень мало) «Северная пчела», «Инвалид» с «Литературными прибавлениями», едва ли возможно.⁵ Думая так, я не упускал из виду то, что особенности таланта Фед<ора> Мих<айловича>, заявившиеся уже самобытностью, и его характер, не поддававшийся никакому авторитету, если последний был не прав, едва ли позволяет ему сойтит<ь>ся с тогдашними литературными закройщиками, вроде Брамбеуса, и виляевыми, вроде Греча, Булгарина и им подоб<ными>,⁶ наконец, зная то, что Фед<ор> Мих<айлович> был в Инженерном училище одним из первых воспитанников⁷ и что старший его брат Михаил Михай<лович>, тоже инженер, и состоит на службе⁸ [я должен еще сказать то, что в это время Фед<ор> Мих<айлович> постоянно мне говорил, что он средств к жизни, кроме гонорара за сочинения, никаких не имеет, а вследствие этого мы делились с ним всем, решительно всем, чем могли; но это я говорю только Вам, Орест Федорович, но не для всех, хотя Аполлон Никол<аевич> Майков это знал.⁹ – *Примеч. С. Д. Яновского*], я невольно предложил моему другу-собеседнику вопрос: отчего он не хочет, не оставляя литературы, служить и зачем он оставил именно инженерную карьеру? На первый мой вопрос Федор Мих<айлович> ответил мне скоро, без запинки и с улыбкою, известным стихом Грибоедова, повторив дважды – прислуживаться и тошно, да и не умею;¹⁰ при ответе же на второй вопрос он сильно призадумался, сжал губы вплот-

ную и, как теперь помню, побледнев значительно в лице, проговорил тихо, свойственным ему шепотком и покачивая голову – нельзя, не могу, скверную кличку мне дал Государь, а ведь известно, что иные клички держатся до могилы, Государь же назвал меня, ... да еще как, на бумаге пером, дураком! Все это он говорил мне с чрезвычайною грустью, добавляя – ну вот, батюшка, я и оставил эту специальность, которую любил страстно¹¹ и знал хорошо, – а теперь она мне противна и говорить об ней я не могу; а буду писать и писать, а в писании буду во всю мою жизнь защищать обиженных и оскорбленных!..

Подробности же, касающиеся Царской клички, он мне передал в следующих словах: кончая курс учения в Инженер<ном> учил<ище>, я должен был, как и все мои товарищи по классу, представить практическую работу на заданную тему. Работу эту я кончил, и она, быв рассмотрена и одобрена в Совете, поступила на окончательную апробацию Императора Николая Павловича, который любил инженерное дело сильно и знал его хорошо. И вообразите себе, что Государь, как только взглянул на мой чертеж, тотчас же увидел, что в изображенной мною крепости нет ни одних ворот! Эта моя ошибка, прошедшая незамеченною включительно до глаза директора, сразу была замечена царем, и он написал на моем чертеже: «Какой дурак это чертил». Мне надпись эта предъявлена была в подлиннике; я видел ее покрытую клеем и тот же час порешил: оставить то ведомство, в котором кличка эта, само собою разумеется, осталась бы за мною на всю мою жизнь и, конечно, имела бы влияние на всю мою служебную карьеру.

Вот то, что я слышал из уст самого покойного Федора Михайловича и по выслушании чего я дал ему честное слово никому об этом не говорить. Обещание мое до сих пор я свято исполнил и, нарушая его по Вашему обращению ко мне, глубоко уважаемый мною Орест Федорович, я еще раз прошу Вас: не признаете ли Вы возможным мое сообщение проверить с документом, что, я знаю, сделать нетрудно.¹²

Проверка рассказа моего с документом нужна потому, что Вы, хотя отчасти и знаете мои отношения к Федору Михайловичу и ту дружбу, которою я пользовался от него (доказательства чего заключаются в тех трех письмах, которые я доставил Анне Григорьевне и которые до сих пор хранятся у нее),¹³ но Вы меня не знаете; я же хотел бы сообщения мои о покойнике поставить в глазах Ваших так, чтобы они не страдали бы от возражений не только таких людей, которых Федор Михайлович в период его жизни от выхода их училища

и до поселения в крепость не считал близкими к себе, но и от возражений тех, которые до ссылки в Сибирь были ему близки, а потом забыли все то, чем ему обязаны вполне.¹⁴

Многое и многое из относящегося к той именно эпохе, когда Федор Михайлович был беден как Иов, но чист, гуманен, справедлив и честен так же как и в последние дни и часы его жизни, мне хотелось бы сообщить Вам и многоуважаемому мною Н. Н. Страхову (который тоже узнал и сблизился с Фед<ором> Мих<айловичем> по возвращении уже его из Сибири), но это к теперешней Вашей задаче не относится, и я оставляю до другого раза, если Вам угодно будет обратиться ко мне. – Всякое Ваше желание постараюсь исполнить по мере моих сил и способностей; за искренность же и верность сообщений ручаюсь честью.

С чувством глубокого уважения и совершенной преданности, остаюсь навсегда готовым к услугам

С. Яновский.

Если увидите многоуважаемую и памятную душою и сердцем Анну Григорьевну, то прошу Вас передать ей мое почтение и сказать – что молчание ее меня чувствительно огорчает.

---

¹ Ла-Тур-де-Пель (Tourde Pielz) – курортный городок в Швейцарии, пригород Веве (Vevey), расположенный на восточном берегу Женевского озера. «Графский пансион» (Pension Comte) был построен в 1875 г., и, судя по всему, С. Д. Яновский оказался одним из первых его постояльцев.

² Яновский писал А. Г. Достоевской: «знаете ли Вы, Анна Григорьевна, причину, почему Фед<ор> Мих<айлович> оставил специальное поприще и вышел в отставку? Мне он причину эту сообщил под великим секретом, и я об ней никому не говорил; но так как теперь, после т. е. смерти его, секрет ее потерял свое значение, то я, пожалуй, его Вам сообщу, если Вы не знаете. Но во всяком случае нужно будет причину поверить и это не трудно в Штабе» (Письма С. Д. Яновского к А. Г. Достоевской // РО ИРЛИ. № 29916. Л. 19 об.).

³ Анна Григорьевна, разумеется, хорошо знала полную несовместимость своего мужа с какой-либо государственной службой, и намерение Яновского просветить ее на сей счет могло вызвать у нее только чувство глубочайшего недоумения; неслучайно, начиная с этого момента, она перестала отвечать на письма С. Д. Яновского.

⁴ См. сноску 14.

⁵ Это мнение Яновского вполне разделял и Достоевский. В его письмах к брату Михаилу Михайловичу в период создания дебютного романа писателя «Бедные люди» содержится немало нелестных отзывов об издателях и книгопродавцах, именуемых им «собаками» и «канальями», которые «жмутся» (281. 89–90). Процесс передачи произведения в журнал выглядел, по его мнению, так: «если прочтут, так через полгода. Там рукописей довольно и без этой. Напечатают, денег не дадут. Это какая-то олигархия. <...> Отдавать вещь в журнал значит идти под ярем не только главного maître d'hôtel'я, но даже всех чумичек и поваренков, гнездящихся в гнездах, откуда распространяется просвещение. Диктаторов не один: их штук двадцать» (281. 106).

⁶ Прозаики, издатели и журналисты Ф. В. Булгарин (1789–1859), Н. И. Греч (1787–1867) и О. И. Сенковский (1800–1858) составляли объединенный общими эстетическими и коммерческими интересами «триумvirат», своего рода литературный генералитет, занимавший ключевые позиции в книжном и издательском мире России с 1820-х гг. вплоть до середины 1840-х (журналы «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Русская Талия», «Северный архив», «Гений времен», «Русский вестник», газ. «Северная пчела»), когда их монополия была свергнута «Отечественными записками» А. А. Краевского и, далее, «Современником» Н. А. Некрасова.

⁷ В младших кондукторских классах Достоевский учился на «отлично» или на «очень хорошо», затем его учебная активность несколько снизилась, однако он все-таки получил достаточно хороший чин при выпуске – инженер-подпоручика (12-й класс, 10-й ранг – повышение на 1 ранг обеспечивалось принадлежностью к инженерному корпусу, 11-го класса фактически не существовало) (см. также: *Якубович И. Д.* Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. 5. Л., 1983. С. 179–186).

⁸ Михаил Михайлович Достоевский, который не был принят в Главное инженерное училище, 15 апр. 1838 г. был направлен для прохождения службы и учебы в Ревельскую инженерную команду (Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 48). С февраля 1840 по февраль 1841 г. он был командирован в Петербург для сдачи экзамена на офицерский чин, и, успешно сдав экзамен, продолжил служить военным инженером в г. Ревель (Таллин).

⁹ Весной 1846 г. из-за тяжелых разногласий с Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым и другими литераторами круга «Отечественных записок» Достоевский перестал посещать кружок Белинского, предпочитая ему кружок Бекетовых, братьев Майковых и, далее, М. В. Петрашевича.

Алексей Николаевич Бекетов (род. 1823) – товарищ Достоевского по Главному инженерному училищу, окончил училище в 1844 г. в чине инженер-поручика (*Максимовский М.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. С. 102). Вместе со своими младшими братьями, Андреем Николаевичем (1825–1902), впоследствии известным ботаником и публицистом, почетным членом (с 1895 г.) Петербургской Академии наук, ректором Петербургского университета (с 1876 г.), дедом А. А. Блока, и Николаем Николаевичем (1827–1911), в будущем академиком, профессором химии Харьковского и Петербургского университетов, организовал кружок, который они сами называли «ассоциацией». Располагалась она в доме В. М. Солошича на Петроградской стороне, Большой пр., 4 (*Саруханян Е. П.* Достоевский в Петербурге. Л., 1972. С.64). В своем письме к брату Михаилу от 26 нояб. 1846 г. Достоевский сообщал: «Брат, я возрождаюсь, не только нравственно, но и физически. Никогда не было во мне столько обилия и ясности, столько ровности в характере, столько здоровья физического. Я много обязан в этом деле моим добрым друзьям Бекетовым, Залубецкому и другим, с которыми я живу; это люди дельные, умные, с превосходным сердцем, с благородством, с характером. Они меня вылечили своим обществом. Наконец, я предложил жить вместе. Нашлась квартира большая, и все издержки, по всем частям хозяйства, всё не превышает 1200 руб. ассигнациями <человека в год. Так велики благодеяния ассоциации!» (281. 134). В другом письме он прибавляет: «Видишь ли, что значит ассоциация? Работай мы врозь, упадем, оброем и обнищаем духом. А двое вместе для одной цели – тут другое дело. Тут бодрый человек, храбрость, любовь и вдвое больше сил» (281. 144).

¹⁰ Грибоедов А. С. Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах // Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 37.

¹¹ Письма Ф. М. Достоевского, написанные в 1844 г., в период службы в Петербургской инженерной команде, свидетельствуют об обратном; обращаясь к брату Михаилу Михайловичу в марте–апреле 1844 г., он жалуется: «Служба надоедает. Служба надоела, как картофель» (281. 89); в письме опекуну П. А. Карепину, ярому стороннику продолжения Достоевским военно-инженерной карьеры, заявленная Яновским «любовь к профессии» выглядит еще более убедительно: «лучше сгнию в тюрьме, чем вступлю в службу» (281. 96).

¹² Проверка эта, как свидетельствует О. Ф. Миллер проводилась под руководством самого компетентного в этой области человека – историка, географа, инженерного генерал-лейтенанта Александра Ивановича Савельева (1816–1907), ротного офицера и воспитателя Главного инженерного училища в период пребывания там Достоевского, хорошо знавшего писателя и поддерживавшего на протяжении всей жизни последнего с ним дружеские отношения, обменивался письмами, встречался с ним незадолго до смерти 19 окт. 1878 г. на обеде в честь Ф. Ф. Радецкого – героя войны на Балканах, друга и однокашника Достоевского по Главному инженерному училищу. То, что документ не был найден, свидетельствует о том, что его никогда не существовало; невозможно даже допустить, чтобы А. И. Савельев не смог найти документ в архиве учреждения, в котором прослужил много лет, при его квалификации и компетентности.

¹³ Речь идет об упомянутых выше письмах С. Д. Яновского, адресованных к А. Г. Достоевской: от 21 апр./3 мая 1881 г., 3/15 сент. 1881 г. и 8/20 янв. 1882 г. (Письма С. Д. Яновского. (Из материалов Пушкинского Дома). II. С. 379–388). В этих письмах С. Д. Яновский много говорит о своем чувстве уважения и любви к Достоевскому, к которому «шел не только с моим сердцем, но с моею душою, которые писатели от него тою глубокою гуманностию и стремлением к истине, которыми и он сам так щедро наделен был от Бога» (Там же. С. 380–381).

¹⁴ Яновский намекает на Н. А. Некрасова, П. В. Анненкова, И. И. Панаева, И. С. Тургенева, которые в 1850-е гг. сочувствовали Достоевскому как человеку, пострадавшему за свои былые убеждения, однако были уверены в том, что после каторги Достоевский как писатель уже «вышел весь» и «ему не написать ничего больше» (см.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. Л., 1928. С. 422).